
ЛИТЕРАТУРНАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

Геннадий Маркин
(г. Щекино)

ЖАЛОБА КРЕСТЬЯНКИ

Автор трех книг прозы. Лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова. Член Союза писателей России.

Многие из нас видели и запомнили кадры из замечательного фильма Станислава Говорухина «Место встречи изменить нельзя», на которых Глеб Жеглов в исполнении легендарного Владимира Высоцкого воспитывал спившегося соседа-фронтовика и дебошира, помните его сакральное: «Ты уже года три лишних на свободе гуляешь»? Вообще-то воспитанием таких типов, каким показан сосед Жеглова, всегда занимались и продолжают заниматься не сотрудники уголовного розыска, а участковые уполномоченные. Именно к ним обращаются несчастные жены, чьи мужья пьянствуют, распускают руки и пропивают вещи. Именно они — участковые, как представители рабоче-крестьянской красной милиции, вставали и поныне встанут на защиту обиженных и униженных своими мужьями жен, на защиту семьи, как ячейки общества. Только действительно народная советская власть начала обеспечивать защиту женщин от насилия в семье. По крайней мере, так было принято считать. А что же было до советской власти? Неужели при царе-батюшке несчастных жен полиция не защищала? Судя по произведениям наших классиков девятнадцатого века, особенно по произведениям Максима Горького, в которых он показывал нищенское существование низшего сословия людей, показывал пьянство мужиков и тиранию ими своих жен, показывал жизненное дно, — то нет, не защищала полиция. Однако — это не так. Недавно мне в Государственном архиве Тульской области удалось ознакомиться с одним историческим делом, которое у меня вызвало определенный интерес. Дело называется так: «Жалоба крестьянки д. Новая Колпна Пелагеи Дудиной». Хочу рассказать о нем читателям с сохранением орфографии и стиля написания. Итак...

17 декабря 1898 года полицейскому приставу второго стана Крапивенского уезда Тульской губернии поступило прошение крестьянки деревни Новая Колпна Пелагеи Дудиной. Цитирую прошение: «Мой муж Гаврил Осипович Дудин сильно пьянствует и расточает свое имущество. На днях стащил из дома и продал виноторговцу Ивану Васильевичу Кудрявцеву пять пудов овса, пять пудов муки, самовар. Вообще, что

понадобится ему, то из дома и пропивает. Все это могут подтвердить соседи Алексей и Пелагея Хохловы. Возвращаясь домой пьяным он наносит мне избиения, хочет лишить жизни, и наконец, выгоняет меня из дома, что могут удостоверить соседи Захар Максимов и Татьяна Кудрявцева. Прошу содействия к ограждению моего имущества от расточения его мужем».

3 января 1899 года полицейский пристав второго стана отдал распоряжение полицейскому уряднику Ясенковской волости Сидорову, в котором обязывал: «...Рассмотреть настоящую жалобу и произвести дознание о пьянстве и разбазаривании хозяйства крестьянином Гаврилой Дудиным, а также о неправильной торговли вином мещанином Иваном Кудрявцевым».

В тот же день Сидоров приступил к рассмотрению жалобы крестьянки Дудиной, а уже 7 января 1899 года он составлял протокол. Цитирую его полностью: «1899 года 3 дня полицейский урядник шестого участка Крапивенского уезда Сидоров, по поручению господина пристава 2-ого стана, препроводил дознание о мотовстве и пьянстве крестьянином деревни Новая Колпна Ясенковской волости Гаврилом Осиповым Дудиным, а равно и сбыта им своего имущества на вино местному виноторговцу Ивану Васильеву Кудрявцеву. При таком дознании опрошенные нижеподписавшиеся лица объяснили: 1— крестьянин деревни Новая Колпна Алексей Федоров Хохлов показал, что в половине декабря месяца 1898 года он видел выпившим Дудина проходящим по улице, что продолжалось дня 3—4 время, что было свободно от работы. Что же касается мотовства и сбыта Дудиным имущества Хохлов сказать ничего не мог. 2 — крестьянин то же деревни Захар Максимов Кудрявцев объяснил, что по поводу мотовства и пьянства крестьянином Гаврилой Дудиным положительно ничего не знает. Всего лишь в декабре месяце Пелагея накричала на Гаврила, но за что он не знает. 3 — крестьянка Татьяна Васильева показала то же, что и Захар Максимович Кудрявцев. 4 — Пелагея Иванова Хохлова по отношению Дудина сказать ничего не может. 5 — опрошенная жалобщица Пелагея Семенова Дудина показала, что она примирилась со своим мужем и теперь живет в доме своего мужа, самовар принесен домой. Крестьянин Гаврила Осипов Дудин пояснил, что он действительно ранил и побил свою жену Пелагею за то, что уговорившись со своею матерью, она перенесла за отсутствием его из дома муку, корову, овец и вообще всевозможную домашнюю рухлядь, а затем и сама ушла из дома к своей матери. Когда она ушла из дома, унеся с собой все, он действительно продал один пуд овса и семь кур крестьянину Александру Васильеву Кудрявцеву, брату содержателя постоялого двора в деревне Новая Колпна Ивану Васильеву Кудрявцеву, живущих нераздельно друг от друга. За проданное получил деньги два 2 рубля 65 копеек, кои растратил на харчи во время работы по добыванию руды. Более сего последнего он ничего не продавал. Опрошенный содержатель постоялого двора Иван Васильев Кудрявцев объяснил, что действительно его братом куплены у Дудина семь кур и пуд овса. Постановлено: о сем записать протокол, который предъявить господину приставу 2-ого стана Крапивенского уезда. Подписи: полицейский урядник Сидоров. За неграмотных поименованных в сем протоколе крестьян по их личной просьбе расписался крестьянин Павел Кузевичев».

Этим же днем 7 января 1899 года полицейский пристав 2-ого стана составленный урядником Сидоровым протокол препроводил в Ясенковский волостной суд. Как поступил суд, мне выяснить не удалось. Будем надеяться, что судьи, учитывая, что в семье Дудиных произошло примирение, не стали строго наказывать главу семьи. А он в свою очередь, наверное, клятвенно обещал заседателям, что в его семье в дальнейшем будет царить мир, спокойствие и любовь. Конечно же, полицейский урядник Сидоров после этого не раз навещал семью Дудиных, чтобы проверить порядок в их семье, а заодно испить чаю из возвращенного в дом самовара. Но это уже совершенно другая история.

Валерий Ксенофонтов
(г. Тула)

ТАЙНА ВОЗРАСТА ТУЛЫ

Ксенофонтов Валерий Иванович — издатель, писатель, член Союза писателей-переводчиков, кандидат экономических наук. Родился в 1948 году. Автор 14 книг, вышедших в издательствах «Политиздат» (Москва), «Освета» (Словакия), Приокское книжное издательство и «Неография» (Тула) с 1982 по 2014 год. Стихи и переводы публиковал в литературных журналах и альманахах. Последние годы основное внимание в творчестве уделяет отечественной истории. Основные книги: «Одна семья и вся Россия» (2007), «Красивомечье» (2009), «Старотульские тайны» (2013), «Триумф и трагедия воеводы Шеина» (2014). За переводы удостоен золотой медали Кирилла и Мефодия (Словакия), медали Александра Гумбольдта (Европейская академия естественных наук). Лауреат литературной премии им. Л. Н. Толстого Правительства Тульской области. Имеет государственные награды.

Общепринято считать годом основания Тулы — 1146-й. Однако у многих историков эта дата вызывает сомнения. И на то есть веские основания: ведь впоследствии более двух веков ни в одном документе, ни в одной летописи Тула не упоминается. Город появляется в письменных источниках во времена княжения Дмитрия Донского, в договорах с соседом и серьезным конкурентом Олегом Рязанским. Однако в соглашениях о разделе территорий Тула фигурирует как поселение, давно уже существующее, о чем хорошо известно обеим из высоких договаривающихся сторон.

«...А что место князя великого Дмитрия Ивановича на Рязанской стороне, Тула, как было при царице при Тайдуле, и коли ея баскацы ведали, в то ся князю великому Олегу не вступати, и князю великому Дмитрию».

Так записано в договоре 1382 года. То есть **Тулой** называлось место, а не город. Из этого некоторые исследователи сделали вывод, что речь шла о какой-то территории, именуемой **Тула**, и только потом якобы построенная здесь крепость обрела название по местности.

Так ли это? Надо понимать, что в средние века городом называли исключительно огороженное, укрепленное поселение. А если отсутствовали крепостные стены, валы и рвы, то это был совсем другой населенный пункт. В современных чешском и словацком языках слово «**место**» и поныне переводится как «**город**». В польском этому соответствует «**място**».

В XIV веке славянские языки значительно меньше, чем сейчас, отличались друг от друга. И под словом «**место**» вполне можно было понимать населенный пункт, заметно отличающийся от сельского поселения, но не защищенный оборонительными сооружениями. И владела им до Куликовской битвы напрямую Золотая Орда. Не-

даром великие князья в договоре ссылаются на царицу Тайдулу: ее баскаки (чиновники) свозили сюда собираемую дань для дальнейшей отправки в метрополию. Наверное, им не нужно было «*городить город*», ибо русские не собирались и не имели возможности нападать на представительство верховной власти Золотой Орды. Ни Рязани, ни Москве не нужно было ссориться с ханами и их представителями — такое не прощалось.

До поры до времени, пока русские земли не объединились, не набрались сил, князья, бояре и народ вынуждены были терпеть это положение: исправно платили посильную дань, а Золотая Орда не вмешивалась во внутренние дела и в жизнь княжеств, утверждая только правителей. Причем ханов интересовали при выдаче ярлыков на великое княжение лишь размеры взяток, которые давались золотом, серебром, мехами, продовольствием. Такая политика постепенно и привела к тому, что через пару веков сюзерен превратился в вассала. Но за это долгое время сменилось около десятка поколений — как княжеских, так и ханских.

Другое дело — поход на Московскую Русь Мамай. Было известно, что этот темник — в нашем понимании генерал — не являлся потомком Чингисхана. А значит, официально он не мог претендовать на ханский престол и верховное положение в евразийской супердержаве XIV века. Но из-за кризиса в ханской ставке Мамай стал практически самым влиятельным политиком и захотел ввести на Руси свое прямое диктаторское правление, воцариться сначала в Московии, а потом подчинить себе и соседние княжества. Если бы его не остановили на Куликовом поле, судьба Руси сложилась бы более печально.

С поражением Мамай, а до этого — изменением статуса Тайдулы (о чем будет рассказано подробнее ниже), меняется положение Тулы как колониальной фактории, и к ней устремляются взоры и Москвы, и Рязани. Поначалу осторожные. С приобретением этого поселения и прилегающей местности у обоих соперников появились бы огромные возможности для развития стратегической инициативы, да и вообще территориального развития.

Тула неоднократно переходила из одного княжества в другое. Большую часть XV века она относилась к Рязани. По договору 1432 года между внуком Дмитрия Донского Василием II Темным и внуком Олега Рязанского Иваном Федоровичем московский князь обещал «*в Тулу и в Берестей не вступать*». Несколько лет город был даже во владении Великого княжества Литовского: Иван Федорович уступил Тулу Витовту по договору 1427 года. И только в самом начале XVI века, в 1503 году, большинство рязанских волостей отошли к Москве, среди них и Тула с окрестностями.

Но вернемся в середину XII века, ко времени первого упоминания о Туле, которое ставится под сомнение. Пока не найдено более авторитетных источников, нельзя развеять полностью это сомнение. Но поспорить о реальности даты вполне допустимо.

Итак, Тула упоминается в связи с путешествием в Рязань северского князя Святослава Ольговича. Была в Никоновской летописи такая запись: «*Князь Святослав Ольгович иде на Рязань, и был в Мценске, и в Туле, и в Дубке на Дону...*»

Мценск — это Мценск, Дубок — это Старый Донков, стратегический пункт на пересечении древних дорог из Булгарии в Киев и шляха с низовий Волги к Рязани и Москве, который позже стали называть Ногайским. Известный историк позапрошлого века Дмитрий Иловайский указывал, что Святослав Северский посетил во время своего похода также Карачев (ныне Брянская область), Дедославль (ныне село Дедилово Тульской области), Колтеск (близ современной Каширы), Осетр (на одноименной реке), Лобынск, Тешилов (летописный город на правом берегу Оки вблизи современного подмосковного города Пушкино).

То есть Святослав объезжает с дружиной огромную северо-восточную часть Черниговского княжества, чтобы собрать дань, разобраться с тем, кто населяет регион, какие в нем есть поселения и чем оно богато.

В это время развернулась острая борьба между сыновьями и внуками Владимира Мономаха за киевский престол. Именно в 1146 году его занял сын Мстислава Великого Владимировича Изяслав, оттеснив стоявших в очереди дядьев, в том числе честлюбовитого Юрия Суздальского (Долгорукого), давно стремившегося стать первым среди князей.

На черниговском троне сидели сыновья Давыда — внука Ярослава Мудрого. Они затеяли разборку в своей вотчине — Чернигове. На тот момент 11 двоюродных и троюродных братьев толкались у регионального и важнейшего после Киева престола. Родственные разборки сотрясали город на Десне. Владимир и Изяслав Давыдовичи свергли двоюродных братьев из старшей ветви рода и заняли главенствующее положение в Черниговском княжестве. Позиция сыновей Олега Святославича, которого за невезение прозвали Гориславичем, заметно ослабла, особенно со смертью Всеволода Ольговича и изгнанием Игоря Ольговича. (Глеб Ольгович умер еще в 1138 году.) Оставался в строю Святослав Ольгович, причем это был самый волевой и решительный из братьев, тем более — не лишенный больших лидерских амбиций. Бесспорно, он имел право на черниговский стол и не собирался сдаваться, довольствуясь Курским и Новгород-Северским уделом, который ему достался при дележе земель. Давыдовичи понимали, что Святослав вполне мог бы претендовать и на роль монарха всей Киевской Руси. С такими амбициями и качествами Ольгович был опасен как конкурент и сидевшему на главном троне Изяславу Мстиславовичу. Поэтому интересы Давыдовичей и киевского князя совпадали, и они заключили союз против Святослава Ольговича, подразумеваемая заодно с ним и Юрия Суздальского как общего противника. Против них направлялись все силы группировки.

Тогда Святослав был зрелым сорокалетним мужчиной и опытным воином.

Он владел значительной частью Черниговского княжества: Курск и Новгород-Северский могли солидно в материальном плане обеспечить своего хозяина и его дружину, выставить большое количество воинов. Этот сектор левобережной «автономии» простирался на северо-восток от Десны до Оки и верхнего Дона. По размерам удельное княжество было больше многих европейских королевств.

Двоюродные братья понимали, что нахождение Святослава всего в сотне верст от Чернигова всегда опасно для их власти. Поэтому, воспользовавшись неудачно сложившейся для конкурента ситуацией и временной слабостью его дружины, Давыдовичи изгнали Святослава Ольговича из Новгород-Северского и не допустили в Курск, чтобы не смог он собрать в своей вотчине достаточно сильное воинство.

Куда было податься князюизгою? В самую глушь, в землю вятичей... В медвежий угол, то есть на территорию нынешних Московской и Тульской областей. Собрать здесь новое войско он вряд ли мог, потому что край был малонаселенным, к тому же местные жители не имели таких традиций воспитания воинов, которые сложились к тому времени в землях полян и северян.

Святослав вместе с семьей и небольшой дружиной отправился в эту «глубинку», спасаясь, с одной стороны, от преследования конкурентов, а с другой стороны — решил разобраться с дальними владениями. Он прошелся по удаленным городкам и поселениям, собирая дань, сажая своих ставленников на управление волостями — посельников. Для него было также весьма важным находиться поближе к более сильному союзнику Юрию Суздальскому, которого впоследствии прозвали Долгоруким и с именем которого связано основание Москвы.

Родство у двух князей было совсем не близкое: они являлись троюродными

братьями. В то время и родные братья нередко поднимали друг на друга мечи ради власти и владений. Но Святослава и Юрия сближало то, что они были женаты на дочерях половецких ханов — родственницах. Их объединяло и общее стремление заметно повысить личный статус: Юрий хотел сесть в Киеве, а Святослав — в Чернигове. Договорившись о взаимопомощи, князья далее действовали согласованно и до смерти Долгорукого (1157) держались вместе, никогда не изменяя друг другу.

Совершив многомесячный переход по своим ранее почти безнадзорным владениям, Святослав остановился в Лобынске. Именно сюда в 1147 году прибыл посланник от Юрия Владимировича и передал ставшие знаменитыми слова: «*Приди ко мне, брате, в Москову*».

Встреча состоялась в будущей столице 4 апреля. Эта дата точно установлена, потому что в летописях было указание на пятницу пятой недели Великого поста. Святослав явился на историческое свидание с союзником вместе с сыновьями, среди которых, скорее всего, был и совсем юный тогда князь Игорь, хорошо известный нам по «Слову о полку Игореве». Значит, он также участвовал в походе от Карачева до Оки.

Москва, как и Тула, к 1147 году еще не стала настоящим, то есть укрепленным, городом, хотя и существовала как поселение, наверное, и значительно раньше этой даты. Летописи указывают на строительство града только в 1153 году.

Кстати, после исторической встречи Святослав смог вернуться в Новгород-Северский, полностью возратить свой удел и в значительной степени контроль над всей черниговской землей. В августе 1149 года Юрий, при весьма внушительной поддержке Святослава, победил войско Изяслава на реке Трубеж близ Киева, а в сентябре стал великим князем киевским. После этого ему еще трижды пришлось покинуть верховный престол и дважды силой его вернуть.

План действий, стратегию дальнейшей борьбы союзники сформировали весной 1147 года в Москве после того, как Святослав прошел рейдом по приокской — верхне-донской окраине своего удела и накопил достаточные материальные ресурсы для предстоящей борьбы. Где-то на территории современной Тульской области он встретился с посланцами своего высокопоставленного половецкого тестя, и тот направил в зятю дружину своих воинов и наемников из бродников. Бродниками называли славянское население со среднего течения Дона. Впоследствии они стали одной из составных частей Донского казачества.

По материалам исследований историков XIX века Николая Полевого и Дмитрия Иловайского можно проследить путь Святослава Ольговича. Выдавленный из Новгород-Северского, он бежал в Карачев на Снежети, который первым упоминается в Ипатьевской летописи, повествующей о знаменитом походе князя. Обнаружив, что его преследует дружина Давыдовичей, усиленная подмогой от Изяслава киевского, Святослав отправился дальше в Козельск. Здесь, за лесами, труднопроходимыми для большого войска, князь с небольшим окружением оказался в относительной безопасности, а Владимир и Изяслав черниговские повернули восвояси, посчитав, что изгнали соперника навсегда в дебри, из которых не возвращаются. (По другим источникам, поворот Давыдовичей состоялся в Дедославле.)

Из Козельска князь отправился в Мценск (Мченск) на Зуше, далее — в Дубок на Дону. Он двигался по линии, где лес встречается со степью. В древности этот раздел называли Мечой, то есть межой между двумя природными зонами. Поэтому первоначально город называли Омьченск, то есть находящийся по Мече, хотя от соответствующей реки его отделяло приличное пространство. А жителей старинного городка именовали в ту пору омьчанами. Эта военная крепость была опорным пунктом в Верхне-Окской части Черниговского княжества, относясь к Новгород-Северскому уделу. Омьчане сохранили верность своему феодалу.

Есть основание предполагать, что Святослав следовал по несуществующей ныне дороге, которая связывала когда-то Киев со столицей другого крупнейшего восточно-европейского государства — Волжской Булгарии. Если прочертить по карте предполагаемый путь от места, где находился центр средневекового поволжского царства — город Булгар (близ нынешней Казани), до Киева, то он пройдет примерно через Данков, Ефремов, Мценск, Козельск, Карачев. Возможно, эта дорога была близка к теперешнему шоссе Орел — Ефремов — Данков. Это широтный путь по границе Леса и Степи — границе, имевшей для древних путешественников символическое значение — раздел между двумя мирами: по одну сторону жили земледельцы, по другую — кочевники. Это были общности с разными менталитетами и образом жизни, постоянно враждовавшие между собой.

А в районе Дубка этот широтный тракт пересекал шлях из волжско-донских степей к центру России. Во многом он совпадал с полосой, которую позже стали называть «тульским степным коридором». Поскольку путь на восток у Дона заканчивался, ибо дальше начинались владения Рязанского княжества, Святослав повернул на север, чтобы пройти по самой кромке своего удела — вдоль берега верхнего Дона. Таким образом, он оказался в Дедославле — главном культовом и политическом центре вятичей.

Затем через Лобынск и Тулу князь попал в Осетр — городок на берегу одноименной реки, который находился на территории современного Веневского района, а далее проследовал на Оку — туда, где сейчас Кашира. Что же получается? Святослав обязательно проходил через место, где ныне находится Тула, или совсем рядом, например, немного восточнее. Первоначальная Тула вполне могла находиться на Тулице, в частности, там, где Торховское городище, либо на правом берегу Упы, при впадении в нее Тулицы.

Обилие деталей, относящихся к политическим событиям 1146 года, к ожесточенной междоусобной борьбе различных ветвей разросшегося рода Рюриковичей, прохождение подробно описанного маршрута Святослава Ольговича через местность, где могла быть Тула, — все это свидетельствует о том, что версия о существовании города в 1146 году вполне правдоподобна.

Неизвестно, сколько пробыл в городе на Тулице князь-изгой. Скорее всего, совсем немного: назначил нового поселника или подтвердил полномочия старого, забрал дань, определил, в каких размерах и что именно должны были туляне поставлять в удельные закрома и казну, и последовал дальше. Возможно, он рекрутировал в дружину какое-то количество местных парней — Святослав готовился сражаться за свое место во власти и за свои владения.

Нельзя исключить, что в древнейшей Туле уже тогда жили кузнецы, которые плавил местную руду и ковали из нее оружие. Ведь Святослав привел в Приднепровье новую вооруженную дружину и победил. А на роль металлообрабатывающих центров XII века в четырехугольнике между современными Козельском, Данковым, Каширой и Серпуховом вряд ли мог претендовать какой-либо другой город. Разве что Дедославль с окрестными рудами. Но он был рядом, а Тула могла являться «промышленным» поселком в окрестностях «столицы» вятичей.

Ряд историков называют сообщение в Никоновской летописи о Туле вставкой при позднейшей переписке. Такую версию нельзя исключать. Только надо понять, кому это было нужно. Известно, что переписчики вносили искажения по указанию своих хозяев, когда тем необходимо было доказать свои права на наследование титула, владение теми или иными территориями, обосновать притязания на власть. Уже в XIX веке говорили: *«Понравилась бы земля, а историки, которые обоснуют ее захват, найдутся»*. Но два с половиной века, когда все доступные современным исследова-

дователям источники «молчали» о городе, Тула была недоступна для русских князей: более столетия она находилась в зоне, напрямую подконтрольной татаро-монголам. А если бы упоминалась где-то хотя бы еще раз до татаро-монгольского нашествия, тогда никто и не ставил бы под сомнение и 1146 год.

После 1382 года — второго упоминания Тулы в документах — уже не было смысла доказывать приоритет черниговских или новгород-северских князей в правах на Тулу — она становилась уже предметом спора московских и рязанских властей. При этом неизвестен ни один случай сражения за город — он переходил из одного княжества в другое бесконфликтно. Его передавали по договорам в пакетах с другими условиями. А в начале XVI века все споры кончились: город оказался полностью под юрисдикцией Москвы, в то время как Рязанское княжество ослабло и все в большей степени само становилось зависимой территорией, не имея никакой возможности претендовать на Тулу, Венев, Березуй и другие утраченные волости.

Есть мнение, что вставкой в летопись рязанский епископат пытался обосновать свои права на Тулу в споре с коломенской епархией, но вояж Святослава, относившегося к княжеской группировке, враждебной рязанским правителям, нисколько не мог подтвердить территориальный приоритет церковных иерархов из Рязани.

Можно предположить, что составитель и переписчик Никоновской летописи, а это было в XV веке, когда не придавали большого значения точности и аргументированности сведений, от себя добавил Тулу в маршрут похода Святослава, посчитав, что в первоисточнике ее просто пропустили. Такое тоже нельзя исключать, однако логика предыдущего анализа показывает, что, скорее всего, Тула в середине XII века уже была.

Противники этого исторического факта опираются на «Список городов ближних и дальних», составленный в начале XV века, в котором Тулы нет. Но никто не утверждает, что этот перечень абсолютно полный, ибо в нем нет и целого ряда других городов, неоднократно упоминавшихся в источниках, достоверность которых не подвергается сомнению. Кроме того, город тогда понимался как крепость, а Тула, скорее всего, была неукрепленным поселением, и только в 1507 году по указу Василия III на Упе, вероятно, на новом месте, начали строить Тульский кремль, когда именно здесь пролег главный маршрут нападений на столицу нового сильного противника — Крымского ханства.

До этого Тула находилась в стороне от основных путей, связывавших главные центры Древней Руси: Киев, Рязань, Чернигов, Смоленск, Новгород, Ростов, Суздаль, Владимир, затем и Москву. Она не стояла на судоходных реках. Поэтому оказалась и в стороне от исторических событий, которые записывались в хроники.

Хотя отсутствие Тулы в летописях еще абсолютно не означает, что о ней ничего не писали. Ведь сохранилась весьма малая часть письменных источников от того неспокойного времени: сколько раз сгорали целые города после набегов беспощадных врагов и бытовых пожаров. Конечно, негораемых сейфов тогда не было. Ведь даже оригинал «Слова о полку Игореве» погиб в огне в более цивилизованное время — в начале XIX века, во время пожара в усадьбе Мусина-Пушкина. Так что отсутствие факта в письменных источниках не означает его небытия в истории. И совсем нет убедительных доказательств недостоверности даты — 1146 год.

Игорь Топоров
(г. Николаев, Украина)

**ДВЕ ДАТЫ. К ЮБИЛЕЯМ ПИСАТЕЛЯ
Вс. ИВАНОВА И КНИГИ А. М. ТОПОРОВА
«КРЕСТЬЯНЕ О ПИСАТЕЛЯХ».**

Топоров Игорь Германович родился в 1954 г. Окончил Николаевский кораблестроительный институт имени адмирала С. О. Макарова. Работал в судостроительном НИИ, областном совете профсоюзов. В настоящее время — сотрудник туристической фирмы. Он — внук и популяризатор творчества писателя и просветителя А. М. Топорова, автор книги воспоминаний о деде (2010 г.), а также более 50 статей и исследований о нем в литературных сборниках и периодических изданиях России, Казахстана, Украины и Израиля.

Так уж устроены люди, что интерес к крупным личностям у них изрядно возрастает в связи с юбилейными датами. Используем и мы этот феномен, чтобы поговорить о том — что же связывает, к примеру, двух известных советских литераторов — Адриана Топорова и Всеволода Иванова.

В мае 2015 года исполняется 85 лет со дня выхода в свет уникальной книги Адриана Топорова «Крестьяне о писателях». Журнал «Приокские зори» уже рассказывал об этом удивительном человеке и его на сегодняшний день единственном в мире опыте мужицкой критики произведений мировой и отечественной литературы.*

Напомним, что в течение многих лет (1920—1932) скромный учитель алтайской коммуны «Майское утро» читал вслух неграмотным или полуграмотным сибирским кержакам сотни книг: от античных авторов и Кнута Гамсуна — до А. М. Горького и Демьяна Бедного. Каким-то чудом он сумел разговорить суровых и молчаливых в обыденной жизни коммунаров, а затем опубликовал отдельную книгу с записями их высказываний.

«Крестьяне о писателях» произвели эффект разорвавшейся бомбы. Среди горячих поклонников необычной книги оказались — А. М. Горький, А. В. Луначарский, Н. А. Рубакин, В. В. Вересаев, чуть позже К. И. Чуковский, А. Т. Твардовский, М. В. Исаковский, В. А. Сухомлинский и многие другие. Среди столь же неравнодушных врагов были — писатель Ф. И. Панферов, талантливый литератор, создатель популярного журнала «Советский экран» А. Л. Курс...

Вокруг книги шли ожесточенные споры, что и понятно, ибо на страницах «Крестьян», к примеру, «черным по белому» утверждалось, что «Гомер, Л. Толстой, Шекспир, Пушкин, Шелли, Грибоедов, Лермонтов и Тургенев ближе и роднее крестьянству по языку, чем Пастернак, Сельвинский, Соболев, Антокольский, Вера Инбер,

* Адриан Топоров. Мозаика (предисл. Игоря Топорова) // Приокские зори, 2014. — №3. — С. 187 — 191. — Прим. ред.

*Всеволод Иванов, Пильняк, Федин, Аросев, Голодный, Обрадович, Маяковский, Бабель, Караваева и многие другие современные писатели».**

Как следствие, в 1937 году А. М. Топоров был репрессирован и до 1943 года валялся в исправительно-трудовых лагерях ГУЛАГа, а сама книга на суде над ним фигурировала среди вещественных доказательств вины автора. Позднее она была включена Главлитом в «Аннотированные списки политически вредных книг, подлежащих изъятию из библиотек и книготорговой сети» по следующим причинам: *«Книга засорена положительными упоминаниями врагов народа: Аросева, Пильняка, Кольцова. На с. 264—266 приведены положительные отзывы об Орешине и его творчестве»***.

Тем не менее, «Крестьяне о писателях» в дальнейшем выдержали еще 4 издания, нашли новых своих читателей не только в СССР, но и в США, Австралии, Швейцарии, Польше и т.д. Книгу и поныне бережно хранят тысячи библиотек по всему свету — от Николаева, Барнаула, Старого Оскола и Тулы — до московской «Ленинки» и Библиотеки Конгресса (The Library of Congress) в Вашингтоне. «Крестьянам» посвящена статья в электронной энциклопедии «Википедия». Их вспоминают и активно обсуждают в литературных журналах, на научных конференциях, чтениях, в студенческих и школьных аудиториях.

Сегодня сложно сказать — знал ли А. М. Топоров лично писателя Вс. Иванова (родился 12 (24) февраля 1895 г. в п. Лебяжье на территории современной Павлодарской области Казахстана), состоял ли с ним в переписке? Но это вполне возможно: похожий круг общения, примерно ровесники, в молодые годы оба жили в Сибири, относительно недалеко друг от друга. Как бы то ни было, молодой учитель не мог пройти мимо творчества одного из родоначальников советской литературы и многократно читал его произведения коммунарам «Майского утра»: знаменитый «Бронепоезд 14-69», рассказы «Сервиз», «Бог Матвей», «Партизаны», «Ночь», «Плодородие» и др.

С позиций сегодняшнего дня многим из нас личность Вс. Иванова представляется весьма и весьма неоднозначной. С одной стороны — архисоветские и ультрареволюционные партизанские повести, пьесы, рассказы; с другой — тончайшие воспоминания интеллигента «По следам факира», «История моих книг», «Мы идем в Индию», фантастические произведения «Агасфер», «Сизиф, сын Эола»...

Невольно вспоминаются также — его секретарство в правлении советского писательского союза, участие в печально знаменитой поездке литераторов на строительство Беломорско-Балтийского канала, личная подпись под посланием 46-ти писателей в защиту массовых репрессий в 1937 году. И в то же самое время — мы знаем об искренней и крепкой дружбе Вс. Иванова с Б. Л. Пастернаком, о защите поэтессы Беллы Ахмадулиной от нападок коллег-преподавателей во время ее выпуска в Литературном институте, о женитьбе на бывшей супруге «врага народа» И. Э. Бабеля — Тамаре Владимировне — и усыновлении его ребенка — Михаила, будущего знаменитого художника. Но это, повторюсь, именно с позиций нашего времени. Не суди — да не судим будешь!

Интересно другое. Эту двойственность человеческой и творческой природы В. В. Иванова каким-то непонятным чутьем поняли алтайские коммунары, весьма неоднозначно оценив его труды.

А. М. Топоров в комментариях к книге отмечал:

«Писатель, угодивший крестьянам одним своим произведением, не может рассчитывать на их снисходительность, если потом напишет скверную вещь. каждо-

* А.М. Топоров «Крестьяне о писателях». М.: Госиздат, 1930.— С. 33.

** Российский государственный архив социально-политической истории. Ф.17, оп.132, д.319, л.135.

му произведению одного и того же автора крестьяне воздают должное по заслугам. За «Растратчиков» Катаев получил от них крепкую похвалу, а за «Бездельника Эдуарда» — такую же крепкую ругань, «Партизан» Вс. Иванова они разнесли в пух и прах, а «Бога Матвея» одобрили... «Плоды просвещения» Л. Толстого вызвали у моей аудитории восхищение, а «Хозяин и работник» — недоверие и протест.*

Дадим слово и самим коммунарам. Читаем на одной из страниц «Крестьян»:

— Ядрено раскрашено! Баско. Видать, как бог Матвей из лесочка выезжает на коне, а у него скляночка на лбу посверкивает.

— Случается так... Написано ясно, хорошо.

— Не знаю, как кому, а мне эта история понятна и понравилась. Могло быть такое дело на войне, там чего только не бывает!

Это мнение коммунаров о рассказе «Бог Матвей».

И тут же — буквально на соседней странице — при обсуждении рассказа «Ночь» находим следующее:

— Я все ждал: вот чо-нибудь он скажет, и — не дождался. Конец уж, а я все жду.

— Так какой-то наковыл-костыль (несуразица. — А. Т.).

— Скука ломит. Глаза липнут.

— Он тут хотел что-то занозистое сказать, да не вышло у него. Другой бы написал по этому делу лучше... Короленко, а либо Достоевский.

— Совсем мутно. Не как вон читали у Горького.

— Пропащий сказ. Нескладный.

Этим раздраем мнений был изрядно поставлен в тупик и автор «Крестьян». В примечаниях к книге А. М. Топоров удивленно восклицает:

«При голосовании вопроса о нужности «Партизан» в деревне публика единодушно отчеканила:

— Не нужен!

Даже те коммунары, которые в своих выступлениях обмолвились за третью очередь для рассказа, не возразили против этого «приговора» ни слова.

*Лично меня этот вывод ошеломил...»***

Прошли годы, отгремели войны и революции. Нет с нами давно уже писателей Вс. Иванова и Адриана Топорова, ушли в мир иной мудрые «белинские в лаптях», как назвал много лет назад коммунаров-критиков один из московских журналистов.***

Время потихоньку расставляет все на свои места. Снимается муть и накипь с лучших образцов советской литературы, все реже и реже раздаются голоса об ее ущербности и ненужности в контексте мировой и отечественной культуры.

А имена И. Э. Бабея, А. М. Горького, В. В. Маяковского, Вс. Иванова, так же как и славные имена А. А. Ахматовой, М. В. Цветаевой, Б. Л. Пастернака остаются и ВСЕГДА будут оставаться интересными читающей и думающей публике, как минимум, на просторах бывшего Советского Союза.

Искренне надеюсь также, что еще долгие годы не исчезнет у нее интерес и к уникальному культурологическому опыту Адриана Топорова, одного из последних «рыцарей культуры XX века», как его зачастую называли современники.

А сейчас читателю журнала предлагается взять с библиотечной, домашней или виртуальной книжной полки рассказ В.В. Иванова «Бог Матвей», прочитать его, после чего — обратиться к суждениям о нем коммунаров «Майского утра». И узнать, как говорят, из первых рук — что же именно думали об этом небольшом произведе-

* А. М. Топоров «Крестьяне о писателях». М.: Госиздат, 1930.— С. 37.

** А. М. Топоров «Крестьяне о писателях». М.: Госиздат, 1930.— С. 146.

*** А. Д. Аграновский // Известия ЦИК, 07.11.1928.— № 260.

нии классика советской литературы простые сибирские крестьяне и начинающий литератор А. Топоров.

Адриан Топоров
КРЕСТЬЯНЕ О ПИСАТЕЛЯХ*

Вс. Иванов
БОГ МАТВЕЙ

(Читано 29 апреля 1927 г.)

ТИТОВ П. И. Ну, ясно, что Матвей — это белый шпион. Он был подговорен белыми, чтобы религиозной точкой разложить Красную Армию.

ЗУБКОВ П. С. Научили его белые повесить зеркальце на лоб. Дескать, оно будет лучиться. Вот, дескать, не попадут из ружья, и сияние будет на голове, будто у господ. Это — научная выдумка, хитрая, не иначе что офицерская.

КРЮКОВ М. Ф. Денисюк не верил, конечно, в бога. А тут уверяют, что бога Матвея никакая пуля на войне не берет. Его комиссарское сердце и заиграло. Военный же человек! Ну, он этому богу испытание сделал, хитрому старичку-то Матвею. Видит, что солдаты почти уверовали в Матвея. Денисюк тогда и пришиб его собственной рукой.

СТЕКАЧЕВ М. И. Денисюк боялся, что Матвей своим чудом, зеркальцем-то, солдат разложит, отобьет от войны, ну, и долбанул этого бога.

СОШИНА Е. И. А настырный же этот старичок Матюха был. Ишь, какую оказию удрал!

ДЖЕКАЙЛО Ф. Ф. Конечно, Матвей был шпион. Если бы он не шпион был, то белые его из винтовки смыли бы с окопов. А то сидит себе, как огурчик, и никто в него не попадает.

ТИТОВА А. И. Яственно представлено, как этот старичок в холщовой рубашечке по окопам похаживает, хлебушком в кружечку с водой помакивает. Ну, и правда подумаешь, что он святой.

БОЧАРОВ Ф. З. Ядрено раскрашено! Баско. Видать, как бог Матвей из лесочка выезжает на коне, а у него скляночка на лбу посверкивает.

БОЧАРОВА А. П. Все солдаты шибко в сумление вошли. Може, он и правдишный бог? Стреляют, а у самих у них дрожь по рукам ходит. Пуля деда не берет. Как не чудо? Вот у всех в голове и пошел разброд.

ШУЛЬГИН Т. И. Завсегда так бывает, когда испугаешься. Только... Неужели ни один солдат не попал в деда? Как же так? Лошадь подбили, а он все цел?

БЛИНОВ Е. С. Случается так... Написано ясно, хорошо. Не подгонишь под «Ночь». А шибкого я тут ничего не нахожу. Так что-то... Игрушечное. По смыслу понятно, что комиссар должен был убить Матвея, а то аж сам он обалдел. Вот-вот поверит в чудо! А как увидал у деда на лбу зеркальце: «А, ты вот кто, друг?!» Ну, и пужнул в него пулю.

ШИТИКОВ Д. С. Подделано маленько это писание. Не верится, что красноармейцы не попали в деда из винтовок.

ТИТОВА Л. Е. (возражает). Дыть солдаты, поди, верили, что Матвей — бог.

ЗУБКОВА В. Ф. Чудной какой-то рассказ, а занятливый. Я все ждала, что же дальше с этим дедом отродится?

БЛИНОВА Т. П. Вишь, он с хитростью шел на войну, дед этот. «Не надо воевать». Брехло како! Думал скляночкой обмануть.

КОРЛЯКОВ И. Ф. Хотел религией красных провести, а его и дербалызнули.

* Печатается по тексту: А. М. Топоров «Крестьяне о писателях». М.: Госиздат, 1930.— С. 130—131.

НОСОВ И. А. Ясная была хитрость старикова. А про описание худого не скажешь. С толком было все объяснено. И всякого человека, про которого шел разговор в рассказе, видать лучше и не надо.

ТИТОВ Н. И. Не знаю, как кому, а мне эта история понятна и понравилась. Могло быть такое дело на войне, там чего только не бывает!

СТЕКАЧЕВ Т. В. Этому писателю всегда так писать надо. А то в других рассказах у него куда ни торкнешься, ровно на камень налетишь. Ничего тебе в них не берется в голову.

О Б Щ Е Е М Н Е Н И Е.

Из рассказа видно, как должен поступить неверующий большевик, когда его надувают религией. В нем показано, как белые на войне «околпачивали красных религией». В деревне этот рассказ прочтут с интересом и поймут его. Поставить его во вторую очередь.

П р и м е ч а н и е.

«Бог Матвей» понравился коммунарам больше других прочитанных им произведений Вс. Иванова. Рассказ вызвал оживленные толки. Ни одно из действующих лиц его не осталось психологически непонятым. Чтение доставило слушателям удовольствие. Коммунары нашли, что действие в рассказе разворачивалось вполне логично и правдоподобно. Конец рассказа показался всем неизбежным. Другого не предполагали. Лишь один момент (неудача стрельбы в «бога Матвея») встретил сомнение у некоторых слушателей. Единственный слушатель — Е. С. Блинов принял «Бога Матвея» за не слишком серьезное произведение. Это, видимо, потому, что он избалован великими писателями. В частности, он увлекался В. Гюго и им измеряет других авторов.

Ирина Стругова

(г. Сиэтл, шт. Вашингтон, США)

**НАЗАД В БУДУЩЕЕ,
В РУССКУЮ ДЕРЕВНЮ**

«За Державу обидно»

Непонятно почему, и как, меня постоянно занимает одна и та же мысль. И эта мысль настоятельно требует выхода из моей головы и из сердца. Эта та самая мысль, которую можно назвать вещью, если можно так выразиться. Она ниспослана свыше и не требует себе ни оправданий, ни доказательств правильности утверждения, содержащегося в ней. Эта мысль — о будущем России. ***Россия должна снова стать аграрной страной и вернуться в деревню.***

Действительно! Зачем нам глобализация, метрополизация и удушение в городах. Это все для них, для тех, у кого нет выбора. Сгрудившиеся страны Европы навязали миру свой стиль жизни, свои правила труда и отдыха, свои стандарты всего и вся. США взяли на себя роль жандарма, а в последние времена откровенно демонстрируют фашизм.

Я прожила там более 25 лет и наблюдала их жизнь, жизнь, абсолютно неприемлемую для русского человека. Объяснять это долго и не нужно. Есть для этого Задорнов. Он все правильно рассказывает и высмеивает. Но мне сейчас хочется призвать людей, живущих в больших городах и вообще всех людей России к тому, чтобы они перестали воображать, что жизнь есть только в Москве и больше нигде! Нужно перестать думать, что правильно и цивилизованно только то, что мы видим в задрипанных городах Европы и США! Цивилизация это нечто другое, почти полностью утраченное миром.

Мне хочется, как Жанне Д'Арк, однажды посмевшей встать перед сильными мира сего и сказать: «Я знаю, как спасти Францию!», нет — крикнуть: «Я знаю! мне были ГОЛОСА! Россия совсем не то делает! Россия проснись! Иди в бой за свою землю!» Хочется, чтобы мой призыв подхватили миллионы русских людей, так согласных со мной. Я знаю они есть, и они согласны со мной. И пусть снова прогремит: **«Вставай страна огромная! Вставай на смертный бой!»** Да, только так! Только в бой! Иначе ничего не получится.

Всем известно, какая у нас большая страна. Как много земли. Почему же мы ею не пользуемся? Говорить об этом можно и говорят, много говорят. Столетиями говорят. На разговорах все и кончается. Необходимо организовать то, что уже есть в этих разговорах. Организовать подспудное желание русских освободиться, стать самими собой. ***Стать труженниками земли.***

Капитализм не для русских. ***Капитализм поработает, а русские изначально свободные люди.*** Капитализм основан на угнетении и эксплуатации, фактически, на рабстве. Люди в кап. системе, даже, так называемо, успешные — топ-менеджеры, президенты фирм и т.д. все закабалены, все рабы. Есть несколько распущенных и извращенных — 1 % совсем богатых — они господа, да вообще и не люди. Остальные —

рабы. В современном кап. обществе нет даже аристократии, которая худо ли бедно, но задавала некий положительный тон и в поведении отдельных людей и всего общества в целом. Было, если хотите, некое благородство. Был, так называемый, аристократизм. *Аристократизм заключался в том, что были определенные рамки, переступить которые было невозможно, оставаясь аристократом.* Были понятия долга и чести. И эти черты не были привилегией аристократов. *Скорее, наоборот, русское понятие аристократизма имело основной природу народа, а не привнесенные извне модные влияния Запада. Пресмыкательство, лакейство не были чертами истинно русского аристократа, именно потому, что в русском народном характере никогда не было этого пресмыкательства ни перед кем и ни перед кем.*

В этом смысле русский человек обладает внутренним, духовным аристократизмом, что по сути и является знаменитой русской душой.

Считалось, что русские непомерно преклоняются перед всем заграничным. Но это не так. Русские просто чисты, дружелюбны и любознательны. Большой ошибкой является мнение западных наблюдателей, что русские смотрят им в рот, завидуют и хотят повторить их жизнь. Все не так. Русские, как уже было сказано, свободные люди изначально. Они выражают открыто то, что чувствуют. Конечно, есть наивность и вера в доброту всех, кому они открывают свою душу. Может быть, поэтому *те западные* считают нас не достаточно цивилизованными?

Кто-то, либерально, приведет примеры русского подчинения власти и будет прав, но не по существу, а по форме. Русские, О да! ждут «барина», который «рассудит», но это оттого, что русским претит чиновничья работа. «Пусть себе барин и думает», а мы песни будем петь, хороводы водить.

Такое же отношение у русских и к торговле. Торговля никогда не считалась чем-то достойным русского человека, тем более аристократа. А у нас каждый крестьянин был аристократом. Вот так! Как же нам вписаться в капитализм? А о полицейском режиме русский даже и думать не хочет. Пусть себе городской сам разбирается, но доносить мы не будем. Доносчиков и соглядатаев всегда презирали. И как же нам опять быть?

Чтобы соответствовать западным стандартам, нам надо научиться доносить на своих сослуживцев, на соседей, на мужей и жен. Много еще можно привести непригодных и даже отвратительных черт западной жизни, так усердно нам прививаемым. Кажется, Черчель сказал, что Россию невозможно победить, но можно растлить. Я же, позволю не согласиться с всемирно признанным оракулом. *Русских невозможно растлить.* Почти весь мир развратили, а нас не могут. Со времен Ивана Грозного пытались — не получилось. «Ничто не прививается. Никак Россия не станет цивилизованной страной!» Таковыми всегда были типичные сожаления по поводу России. Не прививается! И Слава Богу!

Некие умники, конечно, вспомнят Сталина: «Вот когда мы все были рабами и жили в страхе». Никто не вспоминает их Генрихов, Ричардов и Фридрихов — людоедов похлеще Сталина. Не вспоминают, потому, что *укротились, подчинились.* А мы то! Сталина развенчали на второй день после его кончины и до сих пор развенчиваем, не понимая, что сами себя сечем. Не покорились ведь! Но и не поумнели, к сожалению. Не понимаем в какой стране нам довелось родиться. Не понимаем ЧЕМ был Сиалин. Да, он был тираном ! Да это так! Это истинная правда, кроме того, что утверждая так, мы встаем на сторону «Против Страны Советов». Увы так строилась эта страна. Наша страна. Другого пути не было. «Кто не с нами — против нас!». Так чего же вы хотели? Хотели одновременно капитализма и социализма, хотели стать первыми и вместо буржуев и аристократов владеть землей, городами, учиться в университетах и при этом оставить всех буржуев и аристократов нетронутыми? Так не

бывает. Поэтому оставим Сталина в покое. **Мы все его дети, ни бедные, ни богатые — все равные были. Ни нации, ни достатки нас не разделяли.** И не было многих и многих пороков, которые сейчас выползли из темных глубин человека и расцвели пышным цветом.

Вы резонно скажете: вот вам и русский человек! Да! Но это, как и все то, чем нашу почву засевали, не взшло, не привилось. Привилось лишь частично. Да, открыли ящик Пандоры и появилось искушение и интерес попробовать. Но никогда русский человек не мог долго терпеть ига иноземного, чуждого, несправедливого. Вспомним все — Татари-Моголов, Наполеона, Немцев... Большевиков. Большевики! Встретив радостно и победив с ними всемирную кастовость, сбросили и их в рекордно короткий срок, как только эти большевики стали вырождаться. Так же не станет очень скоро и сегодняшних олегархов. Не станет!

Даст Бог, все произойдет мирно, а не как на Украине. Ведь этот переворот против Януковича шел под красными знаменами. Теперь, конечно, эти знамена и тех, кто их поднимает, стараются уничтожить. Ну ничего! Это опять временно, потому что красные знамена это единственные знамена, под которыми воевали и побеждали те русские люди, за которыми будущее. Это новые люди! Под этими знаменами они делали революцию, под ними выиграли войну над фашистами. Если бы не красные знамена, 90% всех русских современных, образованных и свободных людей, никогда не научились бы ни читать, ни писать, никогда не были бы артистами и учеными, писателями и архитекторами. Все эти места были бы заняты буржуями или немцами. Вспомните! Откуда все мы пришли?

Вспомните! Революция 17 года дала рождение НОВОМУ ЧЕЛОВЕКУ не только в России, но и во всем мире. За 70 лет Сов. власти появился этот *новый человек*, и сколько бы его не хулили он есть и он несет замечательные черты справедливости и добра, так свойственные русскому человеку. **Этим мы сильны и непобедимы!**

Вспомните! Конечно в Сов. время утверждали, что лучше всего произойти из рабочих. Но ведь это не так. До 17 года Россия была аграрной страной. **Русский человек в силу огромности своей земли не может от нее оторваться. Он принадлежит земле и земля принадлежит ему.** На этом ведь играли и большевики, но поспешили, не дали каждому землю. Не понимали человеческой природы, спешили. Спешили ломать человека, увы! на западный манер. К счастью не сломали. Посмотрите, как тянутся люди к земле.

Но сознание Сов. времен тянет их на заводы, в конторы, в большие города. Да и весь мир так живет. Кстати, русские как-то не заметили, что теперь им и заводов не оставили. Все в Китае. Теперь русским, как и всем «цивилизованным народам» остается лишь быть прислугой, горничными, официантами... Так живет теперь мир, народ мира. Не будем говорить о политиках, генералах., солдатах, адвокатах и фальшивых медработниках.

Но мы не весь мир, мы особая страна, и мы не будем долго терпеть несвойственную нам жизнь с ее упырями и преступниками. Нам повезло, потому что у нас немеряно земли. Вдумайтесь! Ни у кого нет так много земли. Дело стало за одним: Надо снова, идти вперед, или назад, и менять свое пролетарское сознание на крестьянское!

Просмотрите, как поднялся Китай! Знаете как? Тридцать лет назад Партия сказала: **«Надо менять все. Надо вернуться к истокам».** И вернулись. Теперь им нет равных. Но это была битва, настоящая война умов против глупости, война традиций против наносного и чуждого. Это была война народного мужества и трудолюбия против пластмассового благополучия и безделия. Это была битва за Китай против всего мира. Так нужно и нам. Россия должна встать на защиту России.

Надо менять сознание человека в России. Для этого надо использовать испытанные методы внедрения в народ образования, и революционных идей в России. **Это — народничество и социализм.** Сколько бы не глумились над этими движениями, но они были, и многие люди положили свои жизни и головы за торжество справедливости и братства. **Чудовищно, что в наши дни попираются или извращаются принципы, заложенные в нас и генетически от рождения и преподанные нам нашими великими учителями.** От Ломоносова, Радищева, и Пушкина до Достоевского, Льва Толстого и Чехова. Нас учили справедливости и доброте. Нас учили любви к России. Нас учили становиться русскими по существу, а это означает быть детьми нашей земли. Земли, а не пластмассы, Земли, а не электронных матриц. Эти матрицы убивают все живое, как каларадские жуки. **Земля дышит и живет всегда. Она ждет своих детей.**

Вспомните своих учителей! Помните, что главным учителем в перерождении нашего сознания с городского на деревенское, с фальшиво религиозного на истинно христианское, безусловно должен быть Лев Толстой, которого на Западе, между прочим в Чехии, называют русским Иисусом. Тема религии в России особая тема. Не все у нашего великого Старца всем подходит, но всем нужно учиться у него искренности веры. Не крест на груди всем видный, а чистое сердце — вот что нам надо. Вера! Это особая тема, но надо помнить, что Россия единственная в мире страна, не предавшая Православия, сохранившая истинную веру во все века гонений, извращений и лицемерья. У нас не было кровавых реформ Запада! Подумайте об этом! Православие нас спасает и спасет!

Когда я говорю о методах изменения сознания, я имею ввиду вполне конкретные действия. Надо вспомнить народничество. Все надо делать хладнокровно, планомерно, как делали в Китае. Они созвали самых умных людей страны и **потребовали решить проблему.** И они ее решили. И нам нужно так сделать.

Надо организовать группы, централизованные группы, **честных людей,** желающих пойти в народ с целью преобразования нашей страны. Надо научить их и потом рассылать по стране. Да, да листовки, прокламации! **Да, бросать искры, но не разрушения, а созидания!** Уже всем понятно, что так дальше продолжаться не может. Невозможно смиренно есть пластмассовые помидоры при таких просторах! Невозможно смотреть, как зарастает бурьяном наша Родина. Невозможно смотреть и созавать, что завтра наши дети станут прислугой, лакеями, бездельниками, преступниками, наркоманами, проститутками... В этот список попадают и те, кто наивно считает себя порядочными людьми: политики, журналисты, адвокаты, врачи... Все, все будут служить Капиталу. Все, все будут повязаны ложью и кровью. Капитал и война! Ведь война — это главная и страшная спутница Капитала.

Ну, что еще сказать в довершение? Да, ничего, кроме призыва: **Вставай страна огромная! Вставай на смертный бой!** Очнитесь! Довольно подчиняться воле ВСЕМИРНОГО КАПИТАЛА. Неужели вам нравится жить рабами, подстегиваемыми Рекламой. Реклама — главное орудие воздействия на наши умы! Опомнитесь! Не верьте!

А простой быт? Во что он теперь превратился?

Неужели нравится ютиться с предками в малюсеньких городских квартирах и всю жизнь копить на свое жилье? И вот тут хочется докричаться до властей, до правительства и до Путина, на которого мы все и надеемся.

1. Раздайте землю бесплатно русским людям.
2. Помогите начать там жизнь. Помогите им построить дома.
3. Помогите с дорогами. Страна без дорог никогда не будет жить. Страна без дорог — труп.

4. Помогите с благоустройством деревень и поселков.

5. Магазины должны быть кооперативными. Жители деревень заготавливают много лишнего и это лишнее им некуда сдавать. Надо помочь инициативным людям (а они есть) создавать кооперативные магазины.

6. Нужны школы, библиотеки, больницы на местках, нужна служба почты и связи.

7. Необходимо искоренять тлетворное влияние массовой информации. Да, да ЦЕНЗУРА! Она, кстати, есть во всем мире, но там она запрещает именно то, что спасает человечество. Особая тема!

8. Но прежде всего перечисленного, необходимо менять сознание русского человека, или вернее, приводить его к истинно ему свойственному состоянию.

Много еще чего нужно, не нужно только заваливать деревни импортными продуктами, не нужно влезать в глобализацию и терпеть санкции. Изоляция? А почему надо ее бояться? Китаю тоже постоянно грозили. А теперь весь мир дрожит перед этим гигантом. Нужно вместо договоров с импортными поставщиками повернуться к своим. Нужно на государственном уровне работать внутри страны и на своих людей.

Однако без участия государства Россию не спасти.

Без участия государства легкий дешевый бизнес захлестнет полностью страну. Магазины, как это уже сейчас и есть, будут ломиться от ненужного барахла, а наши необозримые просторы, вся наша Родина зарастет бурьяном. А вслед за этим ее можно будет брать голыми руками.

